

МАНЬЧЖУРСКАЯ ВОЙНА.

Наступательный периодъ.

ОЧЕРКЪ ДВѢЙСТВІЙ 31-й ПѢХОТНОЙ ДИВИЗИИ.

(Изъ дневника участника).

(Продолженіе ¹⁾).

23—26-го сентября 1904 г.

Дер. Хансангоу.

В 7 ч. утра авангардъ, подъ прикрытіемъ передового отряда (баталіонъ Тамбовскаго полка, занимавшій сонку Эрдогау) выступилъ на югъ, по направленію на дер. Хансангоу. Переходъ не великъ, но дорога отвратительная. До Эрдогау мѣстность болѣе или менѣе открытая, слегка холмистая, путь достаточно наѣзженъ. Южнѣе Эрдогау дорогу пересѣкаетъ незначительная рѣчка Шахе, удобнопроходимая въ бродъ, по твердому каменистому руслу. Послѣ небольшого привала, давшаго возможность людямъ пополнить запасъ воды, отрядъ двинулся далѣе, по дорогѣ на Хансангоу. Путь этотъ мало напоминалъ дорогу, а скорѣе походилъ на горную тропу, соединяющую цѣлый рядъ незначительныхъ китайскихъ деревушекъ, или отдѣльно стоящихъ фанзъ, почти безъ признаковъ какой либо жизни. Мѣстность пересѣченная, сильно холмистая, съ значительными подъемами и спусками. Природа однообразна, бѣдна, ни обработанныхъ полей, ни

¹⁾ См. «Воен. Сборн.» № 5.

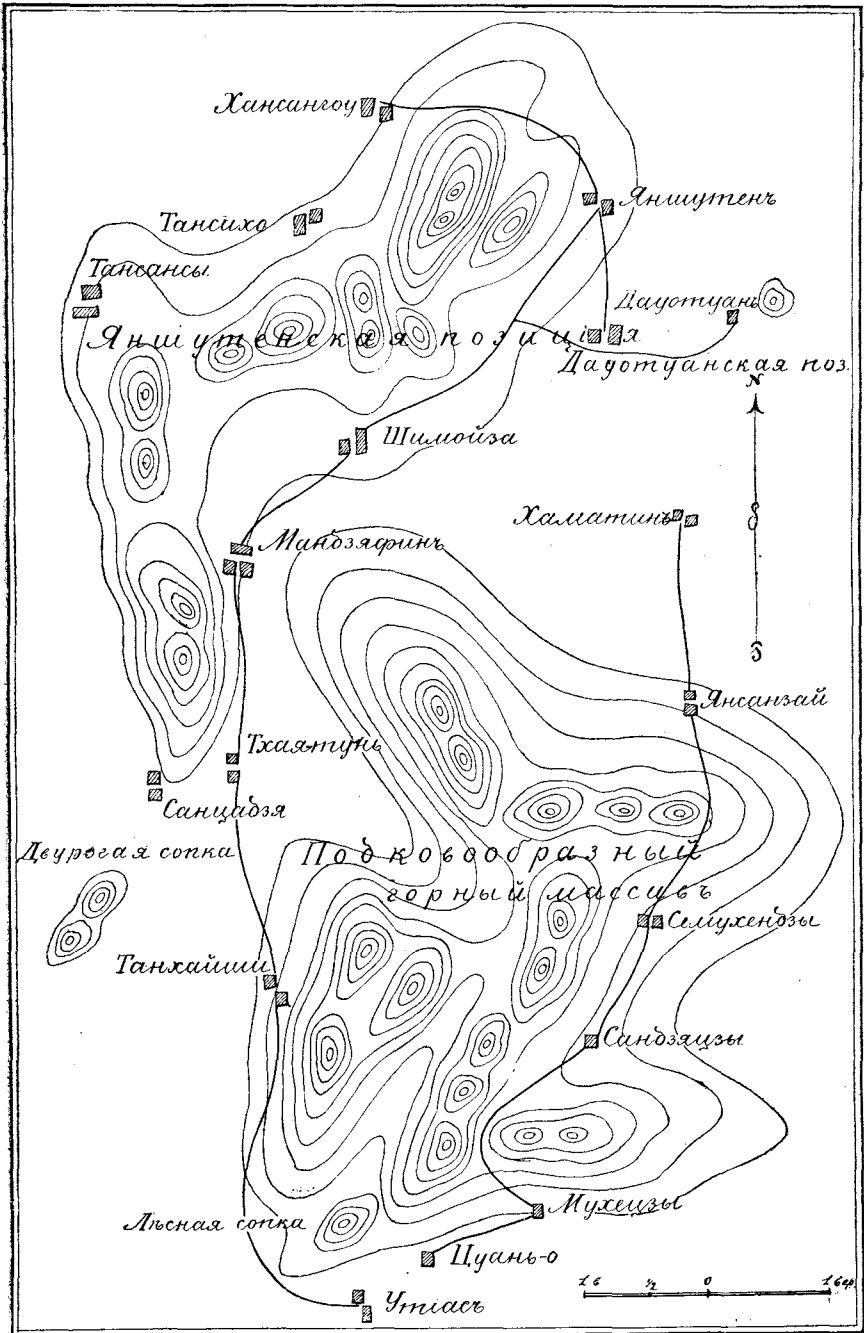
гаоляна. этого постоянного нашего спутника, почти не приходилось наблюдать.

Деревня Хансангоу, расположенная на сѣверныхъ склонахъ обширнаго горнаго кряжа, который, согласно приказа по корпусу, надлежало занять и укрѣпить, представляла обыкновеннаго типа небольшую захолустную китайскую деревню. Здѣсь предназначалось мѣсто для резерва. Самая позиція, отъ дер. Тансансы до дер. Яншутень, представляла возвышенное плато съ покатыми склонами къ упомянутымъ выше деревнямъ, протяженіемъ по фронту около 3-хъ верстѣ. Съ западной стороны этой позиціи узкимъ кряжемъ тянулась къ югу, до дер. Санцядзя, возвышенность, которую тоже предполагалось занять хотя небольшимъ передовымъ отрядомъ. Поверхность плато, изрытая оврагами и промоинами, обращенными преимущественно къ сторонѣ противника, при соответствующемъ расположеніи укрѣпленій, не могла не оказать серьезнаго препятствія атакующему противнику, но мертвые, необстрѣливаемые пространства значительно ослабляли силу этой позиціи. Но и этотъ недостатокъ оказался легко устранимымъ такимъ расположеніемъ пѣхотныхъ окоповъ, откуда могли обстрѣливаться мертвые пространства передъ фронтомъ позицій. Неудобство позиціи—это возвышенная сопка, восточнѣе позиціи, у дер. Даутуань, съ занятіемъ которой противникомъ наша авангардная позиція (Яншутенская) обстрѣливалась во флангъ.

Послѣ осмотра позиціи и пунктовъ, намѣченныхъ для возведенія укрѣпленій, позиція была раздѣлена на два участка: лѣвый былъ предоставленъ двумъ баталіонамъ Тамбовскаго полка съ одной батареей, правый—двумъ баталіонамъ Пензенцевъ тоже съ батареей артилеріи. Одинъ баталіонъ Пензенцевъ выдвинуть впередъ къ дер. Мандзяфань для занятія и укрѣпленія узкой горы. Общій резервъ составили два баталіона Тамбовцевъ и одинъ баталіонъ Пензенцевъ съ казаками и саперной ротой, которые стали за дер. Хансангоу. Тутъ же расположились патронныя двуколки и походныя кухни.

Пѣшіе и конные охотники обоихъ полковъ были посланы впередъ и къ сторонѣ Даутуанской сопки для освѣщенія мѣстности и раскрытія расположенія противника, котораго, однакожь, вблизи не оказалось, о чемъ было донесено командиру 10-го арм. корпуса, равно какъ о предполагаемомъ занятіи Яншутенскихъ высотъ.

Послѣ обѣда, того же 23-го сентября, было приступлено къ разбивкѣ и трасировкѣ укрѣпленій, что и было закончено къ вечеру.

Авангардъ генерала Рябинкина, т. е. полки 2-й бригады 31-й пѣхотной дивизіи, перешелъ сегодня въ д. Хунбаосанъ, а главныя силы корпуса расположились у дд. Сахепу и Нангандзы.

24-го сентября приступлено къ укрѣпленію Яншутенскихъ высотъ, подъ руководствомъ саперъ. Но нельзя сказать, чтобы работа эта шла успѣшно: наша, носимая солдатомъ, малая лопата оказалась, вслѣдствіе твердости грунта, непригодной. Работали большимъ шанцевымъ инструментомъ, любезно предложеннымъ саперной ротой.

Около 10 часовъ утра я получилъ изъ главной квартиры приказаніе занять авангардомъ позицію нѣсколько южнѣе у дд. Мандзяфинъ и Сѣнпадза. Одновременно командированъ генераломъ Куропаткинымъ ко мнѣ инженеръ капитанъ Санниковъ для укрѣпленія этой позиціи. По осмотрѣ оказалось, что этотъ узкій горный кряжъ, для занятія его такими силами, какъ бригада, никуда, негоденъ; о чемъ я донесъ командующему аріей и командиру 10-го армейскаго корпуса, присовокупивъ, что въ дер. Мандзяфинъ поставленъ батальонъ Пензенскаго полка, который приступилъ къ укрѣпленію этой высоты. Съ такимъ рѣшеніемъ вопроса вполне согласился и капитанъ Санниковъ.

Командиръ корпуса генералъ Случевскій посѣтилъ мою позицію, внимательно осмотрѣлъ начавшіяся саперныя работы, далъ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ и указаній и подбодрилъ войска ласковымъ и добрымъ словомъ. Въ этотъ день какъ авангарды, такъ и главныя силы корпуса оставались на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и наканунѣ 23-го сентября.

25-го сентября прибылъ на позицію транспортъ съ шанцевымъ инструментомъ и двѣ саперныя работы. Доставлено 600 большихъ лопатъ и столько же кирокъ. Работа закипѣла, и люди, чередуясь посмѣнно, подѣ подѣ опытнымъ руководствомъ саперъ, возвели закрытія для артилеріи и окопы для пѣхоты, исправляя, гдѣ нужно, направленіе послѣднихъ для лучшаго обстрѣла впереди лежащей мѣстности.

Около 2-хъ часовъ дня позицію объѣзжалъ командующій арміей. Обратилъ вниманіе на болѣе тщательную маскировку укрѣпленій и рекомендовалъ активныя дѣйствія для выясненія положенія и силъ противника.

25-го сентября какъ авангарды, такъ и главныя силы корпуса оставались безъ движенія и на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и вчера, т. е. правый авангардъ у Хунбаосона, а главныя силы у Сахепу.

Эта приостановка столь торжественно возвѣщенного наступательнаго движенія, это всеобщее затишье съ обѣихъ сторонъ и полное отсутствіе даже звука артилерійскаго выстрѣла съ одной стороны, и поспѣшное возведеніе укрѣпленій на какой то высотѣ, откуда не видно ничего кромѣ сонокъ и такихъ же высотъ въ предѣлахъ ружейнаго выстрѣла съ другой, все это до нѣкоторой степени отразилось на нравственной психикѣ солдата и офицера. Какимъ то чутьемъ угадывалось, что тутъ что то не ладно, что тутъ либо японецъ перихитрилъ, либо мы гдѣ нибудь маху дали. Первые, легко уловимые, но не вполне осязательные признаки нравственной осѣчки: уже не видно того подъема нравственнаго духа въ войскахъ, который наблюдался три дня тому назадъ. Слова зваменительнаго приказа «что намъ нужна побѣда надъ врагомъ, чтобы выручить нашихъ братьевъ въ Портъ-Артуръ, что мы должны идти впередъ безтрепетно, съ твердою рѣшимостью исполнить свой долгъ до конца» глубоко запаали въ сердца солдатъ, такъ подняли его нравственный духъ, что онъ за три дня дошелъ бы до Ляояна. А тутъ вдругъ такая заминка! Стой и окапывайся! Въмѣсто смѣлаго, быстрого, рѣшительнаго всеобщаго натиска, какое то непонятное или черезчуръ осторожное поглядываніе направо и налево, а не впередъ. Вышли изъ сильно укрѣпленныхъ Мукденскихъ позицій, чтобы остановиться въ открытомъ полѣ и наскоро окапываться чуть ли не на каждомъ шагу. Вслушайтесь въ простыя задушевные, иногда шутивыя бивачныя рѣчи солдатъ, и вы узнаете какимъ тяжелымъ камнемъ запало въ его чуткое сердце это до смѣшнаго «рѣшительное наступленіе». Тутъ и китайцу доставалось, какъ шпиону и измѣннику, что это, молъ, онъ предупредилъ японца о нашемъ наступленіи. Вспоминали и вѣроломнаго японца, напавшаго неожиданно, безъ объявленія войны, на нашъ флотъ въ Портъ-Артуръ. Приписывали его вѣроломству, что онъ, не желая штурмовать нашей сильно укрѣпленной Мукденской позиціи, гдѣ приходилось испытать всѣ прелести фугасныхъ взрывовъ, преодолѣть рядъ волчьихъ ямъ и проволочныхъ загражденій подъ сплннымъ ружейнымъ огнемъ, рѣшилъ заманить насъ въ открытое поле, гдѣ и вступить въ состязаніе, чтобы нанести намъ побольше вреда. Чудное впечатлѣніе, вызванное приказомъ о наступленіи, высокій подъемъ нравственнаго духа при одной мысли идти на выручку нашихъ многострадальныхъ братьевъ въ Портъ-Артуръ, все это сразу куда то рухнуло, вызвавъ обратно, смутное предчувствіе чего то неладнаго, недоговореннаго, нерѣшительнаго. Теперь

очевидно, что потеряннаго не возвратишь никакими наркотическими средствами: безусловно нѣтъ того, что наблюдалось лишь три дня тому назаль.

26-го сентября я получилъ предписаніе отъ генераль-адъютанта Куропаткина, помѣченное 6 час. 12 мин. утра, слѣдующаго содержанія:

«Сего 26-го сентября мною назначено овладѣть высотой, что лежитъ восточнѣе села Тангайши и къ югу отъ передовой позиціи 1-й бригады 31-й пѣх. дивизіи».

«Для означенной цѣли назначаются: 1-я бригада 31-й пѣх. дивизіи и 1-я бригада 2-й Сиб. дивизіи. Общее руководство дѣйствіями возлагается на командира 4-го Сибирскаго корпуса генераль-лейтенанта Зарубаева, которому вы, съ 1-й бригадой 31-й дивизіи, подчиняетесь для означенныхъ дѣйствій».

«Бригадѣ 2-й Сиб. дивизіи назначается дѣйствовать съ востока, бригадѣ 31-й дивизіи съ сѣвера. На генерала Миценко возлагается производство развѣдки силъ и расположенія противника, какъ на предназначенной для овладѣнія высотѣ, такъ и на сосѣднихъ съ нею. Генераль-лейтенанту Зарубаеву предписано, въ случаѣ, если высота, назначенная для овладѣнія, окажется сильно занятою, то ограничиться сего числа выставленіемъ батарей, демонстративными дѣйствіями и подготовкой атаки на 27-е сентября».

Въ 10 часовъ утра на позицію ввѣреннаго мнѣ авангарда прибылъ генераль-лейтенантъ Зарубаевъ, въ сопровожденіи генерала Левестама и чиновъ своего штаба для осмотра мѣстности. Осмотрѣвъ позицію, занимаемую ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ, генераль Зарубаевъ отправился для дальнѣйшей рекогносцировки мѣстности, обѣщавъ мнѣ прислать соотвѣтственные приказанія для дальнѣйшихъ дѣйствій въ исполненіе задачи, данной ему командующимъ арміей. Но посему предмету никакого распоряженія не послѣдовало, что очевидно побудило командующаго арміей, какъ будетъ сказано ниже, лично дать мнѣ по сему указанія.

Около полудня мнѣ дано было знать, что на позицію прибылъ командующій арміей, который, не останавливаясь, прослѣдовалъ черезъ дер. Шимойза и далѣе на узкій кряжъ, упирающійся южной своей конечностію въ дер. Санцадза. Нагнавъ его у дер. Шимойза, я сопровождалъ командующаго арміей до пункта его остановки. На кряжѣ, вблизи дер. Санцадза, командующій арміей, свита и обширный конвой спѣшились. Старшіе чины штаба и генераль Куропаткинъ, въ буркѣ, съ биноклемъ въ рукѣ, расположились въ траншейномъ ровикѣ, обращенномъ фронтомъ къ дер. Мандзяфинъ. Конвой и прочіе чины свиты, въ томъ числѣ и мой штабъ, спѣшились и стали вмѣстѣ съ лошадьми поодаль, чтобы не обнаруживать себя противнику. Въ ровикѣ, занятый командующимъ

арміей, вблизи генерала Сахарова была установлена на складной треногѣ подзорная труба, а въ нѣкоторомъ отдаленіи, на противоположной сторонѣ узкаго кряжа, приготовилась къ дѣйствию карета военно-телеграфнаго парка. Въ сферѣ досягаемости бинокля противника нигдѣ не наблюдалось. Всюду было тихо, нигдѣ ни одного выстрѣла ни ружейнаго, ни артилерійскаго. Въ воздухѣ было сыровато и холоднѣе, чѣмъ въ предыдущіе дни сентября. Появились бурки, а нѣкоторые надѣли пальто. Генераль Куропаткинъ, казалось, былъ не въ духѣ. Удручающее состояніе духа командующаго арміей отразилось невольно и на его свитѣ: всѣ ходили, понуря голову, мрачные, говорили въ полголоса, какъ бы боясь нарушить окружающую мертвую тишину. Глядя на эту толпу людей, казалось, что они всѣ чѣмъ-то недовольны: смущала ли ихъ эта зловѣщая тишина, полное отсутствіе японцевъ и ни одного выстрѣла, или что либо другое—этого по лицамъ ихъ прочесть было нельзя. Мы не знаемъ результатовъ развѣдки генерала Мищенко относительно расположенія противника, равно не знаемъ результатовъ рекогносцировки генерала Зарубаева, имѣющихъ прямое и непосредственное отношеніе къ выполненію задачи по овладѣнію высотой. Возможно, что донесеніе отъ нихъ не поступало, и это могло, конечно, до нѣкоторой степени вліять на расположеніе духа командующаго арміей и на рѣшеніе вопроса: атаковать ли гору сейчасъ, или отложить на завтра, т. е. на 27-е сентября, какъ это указано въ предписаніи генералу Зарубаеву.

Но, какъ нужно было ожидать, рѣшеніе этого вопроса уже было готово: командующій арміей подозвалъ меня къ себѣ въ траншейный ровикъ, спокойно, но нѣсколько взволнованно и сердито спросилъ меня: получилъ ли я его записку, съ указаніемъ въ оной предстоящихъ мнѣ дѣйствій на нынѣшній день. На утвердительный мой докладъ, что записка получена и что я ожидаю лишь распоряженія генерала Зарубаева, командующій арміей приказалъ мнѣ немедленно привести въ исполненіе данное имъ въ запискѣ указаніе—занять горный массивъ, названный въ официальныхъ донесеніяхъ «подковообразнымъ массивомъ». При этомъ генераль Куропаткинъ не ограничился только общимъ указаніемъ, но и вошелъ въ такія подробности, какъ направленіе колоннъ: давъ общее направленіе на «выемку», выступающую въ видѣ подковы, онъ приказалъ Пензенцевъ направить правѣе, т. е. ближе къ дер. Танхайши, а Тамбовцевъ—лѣвѣе, но оба полка именно въ углубленіе подковы. Такимъ образомъ, вмѣсто предназначенныхъ мнѣ равнѣ дѣйствій

съ сѣвера, теперь приходится наступать съ запада. Тутъ же мною были отданы и разсланы въ полки соотвѣтственныя приказанія, при чемъ въ боевую часть назначалось по два баталіона отъ полка, а остальные силы оставались въ общемъ резервѣ.

По занятіи «подковообразнаго массива» командующій арміей приказалъ назначить одну роту и охотничью команду для занятія Лѣсной сопки, составляющей какъ бы продолженіе этого массива, и не оставить безъ наблюденія Двурогой сопки, куда достаточно выслать охотниковъ отъ одного полка. Первое порученіе было возложено на Пензенскій полкъ, а второе—на Тамбовцевъ.

«Подковообразный массивъ», какъ и слѣдовало ожидать, былъ свободенъ отъ противника и въ 3 ч. дня занятъ моимъ авангардомъ.

Въ 3 часа 30 мин. дня было послано донесеніе генералу Зарубаеву, что возвышенность между дд. Сандзяцзы, Танхайши и Селіухендзы занята моимъ авангардомъ, о чемъ сообщается во избѣжаніе стрѣльбы по своимъ. Такое же сообщеніе было послано, въ то же время, и генералу Левестаму.

Горный массивъ, на которомъ мы теперь находились, представлялъ обширную, возвышенную, почти сплошь каменистую площадь, за исключеніемъ лощинъ и пологихъ склоновъ къ западу и востоку, гдѣ качество грунта было благопріятно для устройства окоповъ. Этотъ горный массивъ, обращенный широкимъ основаніемъ къ сѣверу, гдѣ и достигалъ наибольшей высоты, къ югу постепенно суживался и понижался; заканчивался онъ Лѣсной сопкой. На сѣверо-западѣ, вблизи дер. Танхайши, въ массивъ врѣзывалась глубокая впадина, на подобіе подковы, съ довольно пологими скатами на вершину массива. Къ востоку, къ дд. Селіухендзы и Санцацзы мѣстность постепенно понижалась, принимая характеръ хорошо обработанныхъ полей снятой уже чумизы и гаоляна.

Съ каменистаго гребня, что противъ д. Санцацзы, открывается чудный видъ, съ широкимъ и обширнымъ горизонтомъ на окружающую мѣстность, вплоть до Янтайскихъ копей. Такъ какъ тучи разсѣялись и появилось солнце, то лучи его отражались не то отъ крышъ, не то отъ стеколъ какихъ-то построекъ у Янтайскихъ копей; казалось, все такъ близко, но въ дѣйствительности, однако, не менѣе 6 верстъ по прямому направленію до этихъ домовъ, ярко освѣщенныхъ лучами заходящаго солнца.

Позиція была выбрана на восточномъ склонѣ массива у дер. Санцацзы, обращенная фронтомъ къ югу, къ Янтайскимъ копиямъ. Правый участокъ былъ занятъ двумя баталіонами Пензенскаго

полка и 7 бат. 31-й арт. бригады, а лѣвый двумя баталіонами Тамбовцевъ, лѣвый флангъ котораго примыкалъ къ позиціи генерала Левестама. Остальные баталіоны, 8 орудій и 2 сотни составили общій резервъ, расположенный у дер. Танхайши. Для связи съ авангардомъ генерала Рябинкина была выслана сотня казаковъ въ д. Таку, отъ коей взводъ сталъ въ д. Инпань, съ какового пункта начиналось сторожевое охраненіе 2-й бригады 31-й дивизіи. Въ теченіе дня и ночи боевыхъ столкновеній не было, и части авангарда вполне спокойно могли исполнять земляныя работы на позиціяхъ.

27-ю сентября 1904 года. Ночь провелъ на позиціи. Закутавшись въ бурку и положивъ сѣдло подъ голову, я спалъ довольно крѣпко. Къ утру, передъ восходомъ солнца, стало сыро и холодно; горизонтъ былъ затянутъ сѣрватою дымкой; кругомъ мертвая тишина. Обѣ арміи какъ будто бы погружены въ глубокій сонъ, чтобы набраться силъ на текущій день. Что онъ сулитъ, этотъ новый день, извѣстно одному Богу.

Стало свѣтать. Восходящее солнце освѣтило верхушки сопогъ, гдѣ-то вдали, на востокъ. Голубое небо, свѣжій, чистый воздухъ, легкая утренняя прохлада все это производило бодрящее дѣйствіе и возбуждало аппетитъ, — тѣмъ болѣе, что вчера не удалось пообѣдать. На позицію подѣхали ротныя походныя кухни, а къ намъ прибылъ нашъ штабной осликъ и доставилъ обильный прекрасный завтракъ: водку, сардины, котлеты, цѣлый каравай бѣлаго чумизнаго хлѣба, чай, сахаръ, кружки и самоваръ. Лихіе казаки быстро поставили самоваръ, въ ожиданіи котораго я и мои боевые сотрудники по штабу, съ большимъ аппетитомъ уничтожили весь доставленный запасъ провизіи.

На позиціи — солдаты и офицеры тоже завтракали.

Прекрасное утро предвѣщало намъ чудную и теплую погоду. Казалось, что сегодня непременно пойдемъ впередъ туда, къ Янтайскимъ копямъ, куда такъ заманчиво влекли къ себѣ зданія, ярко освѣщенные лучами заходящаго солнца.

Расположеніе отряда какъ и вчера: два баталіона Тамбовскаго полка на лѣвомъ участкѣ позиціи, два баталіона Пензенскаго полка съ 7 батареями 31-й арт. бригады — на правомъ участкѣ. Рота того же полка и охотничья команда — на Лѣсистой сопкѣ съ монастыремъ, находящейся нѣсколько впереди праваго фланга. На эту сопку командующій арміей обратилъ вниманіе еще вчера и приказалъ мнѣ не оставлять ее безъ наблюденія, а въ случаѣ надобности обезпечить ее отъ захвата противникомъ. Двурогая сопка занята охот-

никами Тамбовскаго полка. Резервъ, какъ и вчера, у дер. Танхайши.

Запиской отъ 7 ч. 35 м. утра № 24, генераль Левестамъ сообщилъ мнѣ расположеніе частей авангарда 4-го Сибирскаго корпуса: баталіонъ 8-го Томскаго полка занимаетъ позицію—сопку къ востоку отъ дд. Тянтюу-хуанпу, остальные баталіоны названнаго полка и двѣ батареи за позиціей въ резервъ; Иркутскій полкъ съ батареей расположенъ на массивахъ къ сѣверу-востоку отъ дер. Сялѣухецзы. Отрядъ генерала Мищенко у Цу-ань-о.

Затѣмъ генераль Мищенко прислалъ мнѣ записку отъ 10 час. 30 мин. утра № 1, слѣдующаго содержанія:

„Высоты у Тумынцы свободны отъ противника, весьма желательно, чтобы колонна вашего превосходительства продвинулась впередъ, дабы выровнять правый флангъ, такъ какъ сейчасъ я попытаюсь продвинуться еще впередъ“.

Такъ какъ данная мнѣ задача исходила лично отъ командующаго арміей, а исполненіе требованія генерала Мищенко удалило бы меня къ юго-западу верстъ на шесть, я представилъ требованіе генерала Мищенко на усмотрѣніе командующаго арміей, прося его указанія по сему вопросу. Одновременно съ этимъ, я сообщилъ генералу Мищенко, что, имѣя опредѣленное приказаніе командующаго арміей укрѣпиться на занятой позиціи, я не считаю себя вправѣ выдвигать части своего авангарда на 6-ти верстное разстояніе, на что предварительно испрашиваю распоряженія. Запиской отъ 11 часовъ 50 м. утра № 167 генераль-лейтенантъ Зарубаевъ мнѣ сообщилъ, что командующій арміей никакихъ атакъ на нынѣшній день укрѣпленныхъ непріятельскихъ позицій не приказалъ предпринимать.

Съ высотъ, занятыхъ моимъ отрядомъ, въ бинокль можно было наблюдать, что на высотахъ къ югу Лѣсной сопки, приблизительно въ верстахъ 4-хъ, у противника проявляется какая то дѣятельность, видны были группы всадниковъ, вьючныя лошади; казалось что, это производится разгрузка горной артилеріи. Одновременно съ этими наблюденіями стали поступать и донесенія конныхъ охотниковъ, что на указанныхъ выше высотахъ противникъ укрѣпляется и ставитъ артилерію. Наша позиціонная артилерія открыла огонь. Такой же огонь открыла и артилерія генерала Мищенко, стоявшая у Цуань—о. Японцы отвѣтили залпомъ, а затѣмъ взятые во флангъ съ позиціонной батареи, временно прекратили огонь. Одновременно съ этимъ, командующій арміей, объѣзжая позицію авангарда, приказалъ командиру 7 батареи стать нѣсколько поза-

ди, за холмомъ, и стрѣлять по закрытымъ цѣлямъ при помощи угломѣра.

Около 5 часовъ дня я получилъ гелиографную депешу отъ генерала-лейтенанта Случевского за № 11, слѣдующаго содержания:

„Сообщаю для доклада генералу Зарубаеву и командующему арміей, что начальникъ сторожевого отряда авангарда генераль-маіора Рябинкина, доноситъ, что на сопкахъ, восточнѣе дд. Чуондиавазы, Кіуцейтай, Тумницзы, Матодунъ японцы ставятъ батареи и строятъ окопы. Вольшія массы двигаются по склонамъ“.

Копіи съ этой депеши были отправлены командующему арміей и командиру Сибирскаго корпуса.

На представленіе мое относительно просьбы генерала Мищенко, командующій арміей, въ предписаніи отъ 6 часовъ 45 м. вечера (безъ номера), далъ слѣдующее указаніе:

„Занятіе высоты у Туменцзы дѣйствительно слишкомъ удлиняетъ и выноситъ впередъ вашъ флангъ. Тѣмъ не менѣе въ виду важности этой высоты, если она противникомъ очищена, займите ее сегодня ночью охотниками. Въ случаѣ наступленія превосходящихъ силъ охотникамъ отходить на вашу позицію“.

Такъ какъ указанная высота занята была противникомъ, то высылка туда охотниковъ, гдѣ они уже были и доставили свѣдѣніе о возведеніи тамъ укрѣпленій, являлась не своевременной.

Ночью, запиской отъ 12 часовъ 30 м. вечера № 87, генераль-маіоръ Харкевичъ сообщилъ мнѣ, что командующій арміей признаетъ возможнымъ, что японцы произведутъ на насъ ночное нападеніе, вслѣдствіе чего его высокопревосходительство предлагаетъ принять мѣры, чтобы нападеніе это не явилось для насъ неожиданностію. Въ числѣ этихъ мѣръ лучшей командующій арміей признаетъ высылку охотниковъ, чтобы потревожить противника.

Во исполненіе приведеннаго выше указанія командующаго арміей, отдано приказаніе выслать охотничью команду Пензенскаго полка. Ночного нападенія не было.

Изъ сопоставленія всѣхъ свѣдѣній, добытыхъ за текущій день, становится очевиднымъ, что нашему наступленію положенъ конецъ и что, обратно, японцы сами перешли въ рѣшительное наступленіе.

28-го сентября 1904 года. Съ утра японцы открыли сильный артилерійскій огонь по всему фронту.

Одновременно стали получаться записки...

Въ запискѣ отъ 7 часовъ 50 мин. утра № 160 генералъ Зарубаевъ предписываетъ: «продвиньтесь впередъ, обстрѣляйте во флангъ высоту восточнѣе Тянтюу». Въ 8 часовъ утра № 29 генералъ Ле-

рестамъ пишетъ: «прошу спѣшно выдвинуться впередъ и обезпечить мой правый флангъ отъ обхода».

Въ 8 часовъ 25 мин. утра за № 148 еще записка: «прошу особенно выдвинуть ваши батареи, могущія съ вашего участка анфилировать батареи японцевъ, дѣйствующія противъ насъ».

Въ 11 часовъ 25 минутъ утра за № 165 новое предписаніе отъ генерала Зарубаева: «продвигайтесь впередъ, отгѣсните противника съ высотъ у дер. Тумынзы». Одновременно съ этимъ, тоже отъ 11 час. 25 мин. утра за № 107 предписаніе отъ командующаго арміей слѣдующаго содержания:

„для лучшаго обезпеченія вашего праваго фланга два баталіона Новочеркаскаго полка я направилъ не на Лѣсистую сопку, а на Кумирню; прибавилъ къ нимъ батарею. Держитесь упорно, но въ наступленіе не переходите. Противъ Западнаго отряда противникъ наступаетъ въ значительныхъ силахъ. Доносите чаще. Лѣсистая гора должна быть удержана въ нашихъ рукахъ“.

Что же случилось особеннаго, что одинъ мой начальникъ требуетъ отъ меня не только помощи и содѣйствія въ сильномъ артилерійскомъ огнѣ, но даже наступленія впередъ, чтобы отгѣснить противника съ высотъ у дер. Тумынсы, а другой не только оказываетъ поддержку моему правому флангу, высылкой на Двурогую сопку Новочеркасцевъ, но предписываетъ въ наступленіе не переходить, а упорно держать въ рукахъ Лѣсистую сопку. Отвѣчаю такъ—случилось то, что должно было случиться: непріятель открылъ сильный артилерійскій огонь и перешелъ въ наступленіе. Своимъ положеніемъ, занимая позицію почти на одной линіи съ Сибирскимъ корпусомъ и правѣе его, я безспорно обезпечивалъ его правый флангъ, но мой правый флангъ висѣлъ на воздухѣ: никого кромѣ японцевъ. Выдвинутый почти на 5 верстъ впередъ отъ главныхъ силъ 10-го армейскаго корпуса, имѣя передъ фронтомъ и сирава противника, могущаго каждую минуту охватить мой отрядъ со всѣхъ сторонъ, командующій арміей не только опѣнчивалъ трудность моего положенія, но очевидно не менѣе меня скорбѣлъ душой за участь моего отряда, обреченнаго условіями боевой обстановки во что бы то ни стало удерживаться на передовой позиціи. Вотъ почему онъ мнѣ помогъ, хотя я этой помощи не просилъ, и вотъ почему онъ воспретилъ переходить въ наступленіе. Однимъ словомъ—онъ оцѣнилъ мое положеніе, за что ему великое спасибо!

Возвратимся, однако, къ началу дня.

Съ утра, лишь только японцы открыли артилерійскій огонь, я приказалъ выдвинуть изъ резерва 1 батарею и расположить ее по полубатарейно по обѣимъ сторонамъ Лѣсистой сопки, давъ въ прикрытіе каждой полубатарей по одной ротѣ Пензенскаго полка. Два баталіона Тамбовскаго полка я перевелъ съ лѣваго участка на правый, западнѣе Лѣсистой сопки и нѣсколько южнѣе ея, на равнинѣ, гдѣ, начальникомъ штаба при участіи инженеръ-капитана Санникова, выбрана позиція въ глубокой водомоинѣ, изъ которой отлично обстрѣливается впереди лежащая мѣстность. Лѣсистая сопка занята двумя ротами и конно-охотничьей командой Пензенскаго полка. Такимъ образомъ Лѣсистая сопка, какъ центръ позиціи, слѣва была обезпечена двумя баталіонами Пензенскаго полка и батареей, имѣя правѣе два баталіона Тамбовцевъ, которые загнули нѣсколько назадъ свой правый флангъ, ставъ лицомъ на западъ, откуда нашему правому флангу угрожали японцы. 7-й батареѣ, стоявшей на лѣвомъ участкѣ позиціи, послано приказаніе обратить огонь на японскую артилерію и пѣхотныя части, расположенныя на сопкахъ у Тянтюу, а 1-й батареѣ, расположенной въ центрѣ, по сторонамъ Лѣсистой сопки, приказано обстрѣливать возвышенности у дер. Тумынзы.

О вышеприведенныхъ измѣненіяхъ въ расположеніи войскъ на вѣренной мнѣ позиціи было донесено командующему арміей въ часъ дня за № 263. При этомъ я присовокупилъ, что противъ генерала Левестама слышна учащенная стрѣльба пѣхоты, а съ противоположныхъ сопокъ (передъ фронтомъ генерала Левестама) спускаются пѣхотныя части, которыя съ моей позиціи обстрѣливаются во флангъ.

Запиской въ 2 часа 50 минутъ для № 92, начальникъ штаба арміи генераль-лейтенантъ Сахаровъ, по поводу сдѣланныхъ перемѣщеній войскъ на позиціи, сообщилъ мнѣ приказаніе командующаго арміей держаться данныхъ мнѣ указаній, и вмѣстѣ съ тѣмъ генераль-лейтенантъ Сахаровъ даетъ мнѣ знать, что командующій арміей полагаетъ возможнымъ, что усиленное обстрѣливаніе противникомъ Лѣсистой сопки можетъ служить указаніемъ на намѣреніе его съ наступленіемъ темноты, или ночью, рѣшительно ее атаковать. Примите мѣры, подтяните резервы. Необходимо сопку удержать во что бы то ни стало.

На этотъ запросъ, въ 3 часа дня, за № 267, я донесъ командующему арміей слѣдующее:

„Въ 7 часовъ 50 минутъ утра за № 160 получено предписаніе генерала Зарубаева: „продвиньтесь впередъ, обстрѣляйте во флангъ высоту восточнѣе Тянтау“. Въ 8 часовъ утра № 29 отъ генерала Левестама: „прошу слѣшно выдвинуться впередъ и обезпечить мой правый флангъ отъ обхода“. Въ 11 часовъ 25 минутъ отъ генерала Зарубаева: „продвигайтесь впередъ, оттѣсните противника съ высотъ у дер. Тумынзы“. Не считая своевременнымъ переходъ въ наступленіе, ибо обстановка еще не была достаточно выяснена, я ограничился тѣмъ, что вызвалъ на позицію пѣз резерва 1-ю батарею (къ Лѣсистой сопкѣ), а два батальона Тамбовцевъ съ лѣваго участка перевелъ на правый,—западнѣе Лѣсистой сопки. Распоряженіе командующаго арміей отъ 11-ти часовъ 25 минутъ за № 107 получено вслѣдъ за послѣднимъ распоряженіемъ генерала Зарубаева, и послѣ этого ни одна часть впередъ не продвигалась“.

Въ 12 часовъ 15 минутъ дня, № 108, генераль-лейтенантъ Сахаровъ далъ мнѣ предписаніе слѣдующаго содержания:

„Препровождая прилагаемую при семь схему расположенія нашихъ позицій между Лѣсистой сопкой и желѣзной дорогой, сообщаю, что командующій арміей обращаетъ ваше вниманіе на исходящій уголь, образуемый въ нашемъ расположеніи у высоты съ кумирней. Этотъ исходящій уголь долженъ быть удержанъ до тѣхъ поръ, [пока наша главная позиція 10 и 17 корпусовъ не будетъ выровнена по высотъ съ кумирней. Объ этомъ сообщается и генералу Случевскому для исполненія“.

Между тѣмъ огонь непріятельской артиллеріи достигъ крайняго напряженія. Вся позиція обстрѣливается сильнымъ шрапнельнымъ огнемъ, а Лѣсистая сопка и артиллерія наша, сверхъ того, и лидитными бомбами.

Казалось, что сопка, окутанная воючимъ пороховымъ дымомъ, горѣла: ни сопки, ни лѣса не было видно. Къ 2-мъ часамъ дня артиллерія и пѣхота понесли тяжкія потери. Въ полубатареѣ на восточномъ скатѣ Лѣсистой сопки подбиты два колеса орудія и 4 лошади. Тяжело раненыхъ выносили на носилкахъ, а легко раненые шли сами.

Японская пѣхота, не смотря на нашъ убійственный огонь, постепенно, небольшими группами, подавалась впередъ и укрыто распалгалась у дер. Утіасъ, находящейся нѣсколько южнѣе Лѣсистой сопки. Очевидно, японцы подготавливались къ атакѣ этой сопки. Въ виду этого изъ резерва былъ выдвинутъ къ сопкѣ баталіонъ Пензенскаго полка и двѣ роты Тамбовцевъ, занявшихъ гребень впереди кумирни. Резервъ свой подтягиваю къ правому флангу.

Изъ 4-го Сибирскаго корпуса тоже нѣтъ ничего утѣшительнаго.

Запиской отъ 3 часовъ дня, № 56, генераль Левестамъ сообщаетъ:

„На лѣвомъ флангѣ и на фронтѣ безъ перемѣнъ, удерживаемъ занятія ранѣе позиціи. На правомъ флангѣ противникъ потѣснилъ 8-й Томскій полкъ, занялъ мысокъ юго-западнѣе большой сопки. Батареи праваго

фланга несутъ большія потери, вслѣдствіе большого огня артилеріей противника, расположенной на сопкахъ въ направленіи къ Янтайскимъ конямъ. Весьма желательно парализовать этотъ огонь съ вашего участка“.

О положеніи дѣла на позиціи доносилось командующему арміей.

Отъ 5 часовъ 5 минутъ утра, № 3, генераль-адъютантъ Куропаткинъ писалъ мнѣ:

„Въ направленіи на Лѣсистую сопку я уже выслалъ одинъ баталіонъ Царицынскаго полка и еще посылаю два батальона того же полка съ командиромъ его. Кроме того, если на вашъ лѣвый флангъ непріятель атаки не ведетъ, то рекомендую усилить вашъ правый флангъ за счетъ лѣваго. Три баталіона Царицынскаго полка, посылаемые вамъ, подчиняю вамъ временно. Четыре баталіона Новочеркаскаго полка и одинъ баталіонъ Царицынскаго составляютъ особый боевой участокъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Мандрыко, которому приказано оказывать вамъ поддержку“.

Запиской отъ 6 часовъ вечера, № 4, генераль-лейтенантъ Сахаровъ писалъ мнѣ слѣдующее:

„Командующій арміей, выславъ въ подкрѣпленіе къ вамъ три баталіона и къ двуглавой скалистой сопкѣ пять баталіоновъ съ двумя батареями, и, разсчитывая на вашу энергію и искусство, находитесь въ убѣжденіи, что Лѣсистая сопка, вами занимаемая, не достанется въ руки японцевъ. Однако, если все таки вамъ оказалось бы не возможнымъ удержать ее, то командующій арміей предлагаетъ вамъ лишь видоизмѣнить ваше боевое расположеніе, отогнувъ, въ мѣрѣ необходимости, вашъ правый флангъ, и приготовиться къ тому, чтобы завтра намъ эту сопку отобрать обратно. Въ виду подхода къ расположенію главной квартиры всѣхъ частей 1-го армейскаго корпуса, командующій арміей, если встретится въ томъ надобность, найдетъ возможнымъ поддержать васъ въ необходимой для того мѣрѣ“.

Обсудивъ рекомендуемую командующимъ арміей мѣру усиленія праваго фланга за счетъ лѣваго, я не могъ признать настоящую минуту благопріятной для осуществленія этой мѣры. Пензенцы, занимавшіе лѣвый участокъ позиціи, мѣткимъ ружейнымъ огнемъ, сдерживали порывы японцевъ, пытавшихся прорваться между мной и 4-мъ Сибирскимъ корпусомъ. Они же нанесли сильный вредъ тѣмъ колоннамъ противника, которые обнаруживали себя при наступленіи и группировкѣ у подножія Лѣсной сопки. Усиленіе праваго фланга за счетъ лѣваго приводило къ образованію значительнаго разрыва между моимъ отрядомъ и отрядомъ генерала Левестама, каковымъ противникъ могъ воспользоваться, чтобы прорваться намъ въ тылъ. Что касается праваго фланга, то онъ уже съ утра дѣйствуетъ на два фронта, противъ насѣдающаго противника съ юга и съ запада. Все, на что я могъ рѣшиться, такъ это ослабить себя на лѣвомъ флангѣ лишь артилеріей, которая была переведена на позицію у д. Танхайши, откуда

обстрѣливала батарею противника, стоящую южнѣ каменистой сопки и хорошо пристрѣлявшуюся по Лѣсной сопкѣ, которой наносила большой вредъ. Между тѣмъ, на позиціи, широкимъ кольцомъ окруженной японцами съ фронта и праваго фланга, шелъ непрерывный убійственный огонь съ обѣихъ сторонъ; 1-я батарея, вслѣдствіе перекрестнаго огня съ высотъ у Тянтюу и Тумынцзы, несла настолько чувствительныя потери въ людяхъ и лошадяхъ, что была приведена въ полное разстройство; это обстоятельство побудило начальника боевого участка, командующаго Пензенскимъ полкомъ, подполковника Домонтовича, снять ее съ позиціи; орудія были вывезены на рукахъ прикрытія (1 и 8 роты) Пензенскаго полка. Батарея заняла новую позицію, отойдя версты 1½ отъ Лѣсистой сопки, съ которой могла обстрѣливать пѣхотныя колонны, наступавшія какъ на нашъ правый флангъ съ запада, такъ и колонны, наступавшія на Двурогую сопку, занятую Новочеркасскимъ полкомъ.

Опредѣлить количество японской пѣхоты, атаковавшей нашу позицію, затруднительно, но полагаю, что если считать около 2-хъ полковъ дѣйствующихъ съ юга на Лѣсистую сопку, то это будетъ подходить близко къ истинѣ, въ такихъ же силахъ онъ атаковалъ и правый участокъ, занятый Тамбовцами, стараясь прорваться въ тылъ Лѣсистой сопки, которая, видимо, стала японцамъ поперекъ горла.

Японская пѣхота, подъ покровительствомъ огня своей артиллеріей, подошла шаговъ на 500 къ подножію Лѣсной сопки и открыла сильный ружейный огонь. Пензенцы ведеждали цѣлый рядъ самыхъ упорныхъ, отчаянныхъ атакъ, нанося каждый разъ противнику серьезныя потери, и удерживая за собою сопку. Неся сильныя потери ранеными и убитыми, роты быстро таяли; къ тому же и много офицеровъ выбыло изъ строя, а японцы все настойчивѣе и смѣлѣе повторяли ударъ за ударомъ. Наконецъ нравственное и физическое напряженіе людей достигло такого предѣла, что подполковникъ Домантовичъ не призналъ возможнымъ удерживать далѣе сопку и приказалъ отойти на позицію къ дер. Танхайши.

Такъ какъ густыя цѣпи японцевъ движеніе свое направляли въ охватъ ротъ Тамбовскаго полка, занимавшихъ углубленную дорогу, то такое положеніе выдававшейся впередъ боевой части, утомленной продолжительнымъ боемъ, съ очищеніемъ Лѣсной сопки, я признавалъ весьма опаснымъ, а потому приказалъ отойти и принять преж-

ній боевой порядокъ, т. е. занять сѣверныя склоны Подковообразнаго массива. При этомъ 1-й батареѣ указано было занять позицію вблизи юго-восточной окраины дер. Танхайши, а 7-я батарея переѣхала къ западной подошвѣ горнаго массива.

Послѣ оставленія Лѣсистой сопки, уже къ заходу солнца, подошелъ баталіонъ Царицынскаго полка съ 4-мя орудіями 43 арт. бригады, которые заняли позицію на холмѣ лѣвѣе и уступомъ позади 1-й батареи 31-й арт. бригады. Около 9 часовъ вечера прибыли еще два баталіона того же полка, которые вошли въ составъ общаго резерва.

Въ виду преимуществъ, представляемыхъ сѣверными склонами горнаго массива, позиція ночью была занята слѣдующимъ образомъ: Царицынскому полку приказано было занять длинную сопку, къ сѣверу отъ дер. Санядза, двумъ батареямъ 31-й арт. бр. стать на позиціи къ юго-востоку отъ д. Шимойзы. Лѣвый участокъ позиціи приказано было занять Тамбовскому полку, съ тѣмъ, чтобы своимъ лѣвымъ флангомъ онъ вошелъ въ соприкосновеніе съ частями 4-го Сибирскаго корпуса. 4 орудія 43 арт. бригады стали за правымъ флангомъ Тамбовцевъ. Пензенцы составили общій резервъ. Для предупрежденія прорыва между мной и отрядомъ генерала Мандрыко были высланы двѣ роты Пензенскаго полка.

Въ 9 часовъ вечера, за № 271, я послалъ командующему арміей слѣдующее донесеніе:

„послѣ упорнаго боя за обладаніе Лѣсистой сопкой, отстѣпавшія ея части, отошли подъ напоромъ превосходныхъ силъ противника. Особенно чувствительныя потери понесъ 121 пѣх. Пензенскій полкъ, но потери въ извѣстность не приведены. Части, отойдя отъ сопки, стали на прежней позиціи, по южнымъ склонамъ. Въ виду преимуществъ, представляемыхъ сѣвернымъ склономъ, я приказалъ теперь же тремя болѣе свѣжими баталіонами занять окопы по сѣвернымъ склонамъ, къ разсвѣту установить тамъ батарею, а остальные части поставить въ общемъ резервъ у сѣверо-западной оконечности горнаго массива. Въ 1-й батареѣ разбитъ лафетъ, почему она осталась въ составѣ 7-ми орудій: орудіе свежено распоряженіемъ командира батареи. Съ разсвѣтомъ употреблю всѣ усилія, чтобы вернуть Лѣсную сопку“.

На это донесеніе отъ генераль-лейтенанта Сахарова поступило слѣдующее указаніе:

„Командующій арміей одобряетъ ваше рѣшеніе попытаться ночью вернуть Лѣсную сопку съ кумирней. Въ томъ случаѣ, если вы отъ этого рѣшенія откажетесь, вышлите ночью охотниковъ потревожить противника, предупредивъ начальниковъ и нижнихъ чиновъ, что вызванный въ такомъ случаѣ огонь, результатъ тревоги, произведенной нами. Если сопка къ утру останется въ рукахъ противника, начните съ утра обстрѣливать ее сильнымъ артилерійскимъ огнемъ и будьте готовы ее атаковать“.

Вамъ будетъ оказана поддержка огнемъ артилеріи и пѣхотою, если будетъ въ томъ надобность. Прочно свяжитесь правымъ флангомъ вашего сторожевого охраненія съ лѣвымъ флангомъ охраненія генераль-маіора Мандрыко»,

Отъ 7 часовъ 55 мин. вечера, № 183, генераль-лейтенантъ Зарубаевъ писалъ:

«Отвожу войска 4-го корпуса на позицію къ югу отъ Хамытана. Сторожевое охраненіе будетъ выставлено на высотѣ къ сѣверу отъ Мухедзы-бабаза. Занимайте вашу позицію».

Запиской отъ 10 часовъ 15 мин. вечера № 189, уже болѣе точно указано положеніе позиціи:

„Командующій арміей приказалъ оборонять высоты у Сялихецы. Назначилъ для этой цѣли въ боевую часть 3 полка и 5 батарей. Выдвиньтесь на высоту дер. Сялихецы (т. е. на одну линію съ этой деревней)

«Я же, въ свою очередь, донесъ, отъ 10 часовъ 25 мин. вечера командиру 4-го Сибирскаго корпуса, что мой авангардъ подался на 1½ версты назадъ и занялъ свою прежнюю позицію, которую занималъ 27-го утромъ.

Н. Мау.

(Окончаніе слѣдуетъ).

